

(т. е. каждый посол поочередно). В торжественном приеме «послов» участвует патриарх; он читает привезенную «послами» грамоту и возлагает венцы Навуходоносора и его царицы на царя Ливуя — Василия и царицу Александру. «Послание» в Вавилон завершается описанием принятого в посольском обычае щедрого одаривания «послов» золотом и серебром, камением драгим и жемчугом; в связи с удачным завершением «посольства», «на радостях», царь посылает дары иерусалимскому патриарху. Отпуская своих посланцев в родные земли, царь обращается к ним с прощальной речью: «И рече им: „Поидета с миром, где суть отци ваши и матери и прославите бога и 3 отроки и царя Улевуя, а во крещеньи нареченнаго Василея“». Перед нами фактически рассказ о царском посольстве.

Однако посланцы царя нигде «послами» не называются, автор именует их «человеки», «мужи», царицы «дети». Цель их «посольства» первоначально больше напоминает миссию калик перехожих: они посланы «испытати зднамения» у гробов святых трех вавилонских отроков и руководствуются в своих поступках не дипломатическими соображениями, а указаниями «гласа свыше».

В повествование об этом «посольстве-хождении» вплетается стилистическая струя, восходящая к жанру «хождений», путешествий «ко святым местам». К XIV—XV вв. эти жанры (переводные и оригинальные «хождения», «путешествия», «странники», «путники», «проскинитарии», известные на Руси с XII в.) приобретают столь большую популярность, что в описании странствований начинает вырабатываться трафарет.¹⁷ «Слову о Вавилоне» присущ целый ряд таких трафаретов.

Пройденный путь в «Слове» постоянно исчисляется днями («ехали три неделе до Вавилона», «баше близ Вавилона за 15 дней», «греческий» царь «подошел бо баше за 15 дней. И отступиша от того места за 16 днии», «и настигоша царя за 16 днии»).

Для создания впечатления о реальности путешествия указываются число ступеней вавилонской лестницы («Бяшет бо лествица та 18 степеней, така бяшет толстота змея того») и число «великих» камней (20), которые посланцы выбирают для царя; называется ступень (15-я), о которую запнулся «обязанин».

Реальную картину древнего, покинутого жителями города создает упоминание об истлевших и рассыпающихся в прах при первом прикосновении одеждах («памфирах» — порфирах и «запонах») первых вавилонских царей, которые посланцы находят в «царевых полатах».

Зависимость от стиля «хождений» становится еще более очевидной в «Слове» при описании убранства христианской церкви и гробов трех вавилонских отроков. Именно здесь автор, начав повествование в третьем лице множественного числа, сбивается (вслед за трафаретом) на рассказ от лица очевидца: «Мы же вземше ис кубка того, быхом веселе. И воставше от сна мыслихом взяти кубок с вином и нести ко царю. И бысть нам глас от гроба в девятый час дни...». И тут же вновь переходит к изложению в третьем лице: «Они же ужасни быша велми. И бысть им глас второе».

«Слово о Вавилоне», как «послание» (в смысле «посольство») — его второе жанровое определение в заглавии, — хранит, кроме особенностей, присущих легендам, черты жанра «хождений» и будущих посольских «статейных списков». В нем можно проследить все основные части, все обязательные компоненты схемы изложения «посольских сказок», посоль-

¹⁷ В. В. Данилов. О жанровых особенностях древнерусских хождений. — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 24.